

Наталья КРОФТС

И Я ЕЩЁ ВОСКРЕСНУ

Стихотворения

* * *

Мне не уйти из психбольницы.
Ты в ней – и вот она в тебе –
клокочет, рвётся на страницы
и шарит лапой по судьбе,
куда б тебя ни заносило –
в край небоскрёбов или скал –
ты возле солнечной Мессины
увидишь бешеный оскал
чудовищ – нет, не тех, из книжек –
своих, придуманных тоской,
толпой, тебя несущей ближе к
безумью дней, к огням Тверской.

И будто всё отлично с виду:
умыт и трезв, идёшь в театр –
но чувствуешь: с тобой в корриду
весь день играет психиатр.
Или в музеях строгой Вены
бредёшь меж статуй героинь –
а врач решит – и резко в вены
введёт любовь, как героин.

... Спокойней – в домике с охраной,
решёткой, каменной стеной,
где мне зализывают раны –
чтоб не осталось ни одной,
где нет ни долга, ни заботы,
ни вин, ни бед... Халат надеть
и от субботы до субботы
на подоконнике сидеть
и издали смотреть на лица
толпы, на улицу в огне.
А рядом Гоголь отразится
в забитом намертво окне.

* * *

Всё проще.
Гораздо проще.
Ну кто сейчас ставит размашистый, претенциозный росчерк
на яркой открытке из Падуи или, скажем, из Сан Франциско?
Достаточно смс-кой: «привет дорогой я близко».
Каких-нибудь девять часов полёта
из этого фешенебельного болота –
и я в Москве,
где на Вернадского – снова ветер,
где снег заметает свет,
но тот фанатично светит,

где мы, скользя по лужам, со смехом бежим в кафе...
Палящим кольцом, всё уже,
под кожей – аутодафе.
Господи, почему же
этот – один – так нужен –
ясно, неизлечимо,
без всяких «если» и «но»...
Будто в старом кино –
мы – женщина и мужчина –
медленно, мед-лен-но
пьём капучино.

А если...
Всё тоже проще.
Поймёшь – не погиб гонец
в далёкой солнечной роще,
почтовый голубь, устав вконец,
не сбился с пути,
не свергнут Гермес...
Но в каждом непосланном смс
холодом –
«Отпусти».

* * *

Зажмурится ветер – шагнёт со скалы.
Спокоен и светел тяжёлый наплыв
предсмертного вала – он манит суда
на дно океана. Седая вода
врывается в трюмы, где сгрудились мы:
звереем – от запаха смерти и тьмы,
безумствуем, ищем причины...

Кричим: «Это риф – или мысль – или мыс – бездушность богов – нет,
предательство крыс...»
И крики глотает пучина.

Я ринусь на палубу, в свежесть грозы.
Пора мне.
Монетку кладу под язык –
бросаю ненужные ножны.

И плавно – сквозь ночь, как седая сова –
взлетаю с галеры – туда, где слова
понятны ещё –
но уже невозможны.

Ars poetica

Я ослеп. Измучился. Продрог.
Я кричу из этой затхлой бездны.
Господи, я тоже чей-то бог,
заплутавший, плачущий, небесный.

Вот бумага. Стол. Перо и рок.
Я. (Больной, седой и неизвестный)

Но умру – и дайте только срок,
дайте строк – и я ещё воскресну.

* * *

Ты понимаешь: этот угар – последний.
Занавес. Акт четвёртый написан глупо:
паспорт, билеты, куртку надеть в передней.
Свет погасить. Точка. Выносят трупы.
Мы это знаем. Но – как в античной драме –
мчимся к финалу. Жадно. Необратимо.
Неизлечимо. Страстно. Картинка в раме
раму ломает, рвётся на волю – мимо
старых сюжетов, серых зевак; потоком,
пенным, неудержимым, несётся к краю –
там, где губами... прикосновение – током...
бешено... неумно... и замираем.
И за минуту – боги – любую цену,
Что там? Билет экспрессом до преисподней?

...дворник ворчит, опять отмывая сцену:
«Клюквенный сок – до жути густой сегодня».

* * *

Ты, конечно, забудешь и странное это безумье,
непонятный, неожиданный, смешной урагановый бред.
Ты вернёшься в тот мир, где до слёз надрывается зуммер
в телефоне пустом. И где найден удобный ответ

на вопросы «зачем», по каким неизвестным спиральям
нас несло через дни – чтоб, столкнувшись у края земли,
мы друг друга с тобой беззастенчиво, бешено крали
у стреноженных дней. И над нами шумел эвкалипт,

удивляясь неистовой страсти двуногих растений,
что пришли в этот лес – и расстаться почти не смогли.
Ты, забудешь, любимый. И только останутся тени.
Две счастливые тени – у самого края земли.

Австралия

Мы уплываем – словно шаткий плот,
чуть не слетевший вниз, в земную полость,
когда планета ринулась вперёд –
и древняя Пангея раскололась.
И мы – на ней. Пришельцы. Чужаки.
Колёсами цепляемся за камни
меж бесконечным морем и песками
и чувствуем – на нас глядят веками
чужих теней тяжёлые зрачки.
Живём в плену. Пустыня и вода.
Звоним глухим, усталым абонентам...

Мне страшно оставаться навсегда
в смиренной рубашке континента.